



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 3, Pp. 502–511, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>



УДК / UDC 94(47)+353

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-502-511

Ставропольские калмыки в шведском походе и на западной границе России в 1790–1792 гг.

Рамиль Насибуллович Рахимов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-5642-6591. E-mail: rakhimovrn@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Рахимов Р. Н., 2024

Аннотация. *Введение.* В 1790–1792 гг. Ставропольское калмыцкое войско участвовало в русско-шведской войне, несло пограничную службу в Белоруссии. Вопрос о причинах длительной командировки остается дискуссионным. *Материалы и методы.* Статья написана на основе архивных документов и опубликованных источников. В основу положен историко-генетический метод, анализ эпистолярных источников опирается на метод реконструкции. *Результаты.* В русско-шведской войне 1788–1790 гг. приняли участие три башкирских полка, команды оренбургских казаков и ставропольских калмыков. Иррегулярные силы усиливали русские войска, поскольку армия сражалась в Русско-турецкой войне. Вместе с тем играл роль и фактор морального давления на противника, ожидавшего «страшных азиатских воинов». Пруссия, поддерживая шведского короля, активно распространяла миф о России как стране, населенной «варварами». О мнимой угрозе «калмык и татар» заявляли в Швеции. С 1789 г. воевали два башкирских полка. В 1790 г. для усиления войск вызваны оренбургские казаки и ставропольские калмыки, сведенные в один отряд, принявший участие в отражении десанта шведов. Направленные «для устрашения» башкиры оказались отважными воинами, ставропольские калмыки и оренбургские казаки, направленные в качестве подкрепления, также показали свою храбрость, что было отмечено командованием. В 1790 г. ожидалось военные действия с Пруссией и Польшей. Для защиты Прибалтики и Белоруссии сформировали Двинскую армию, в которую вошли два башкирских и мишарский полки, команды оренбургских казаков и ставропольских калмыков. Появление национальной конницы на границе породило слухи об азиатских народах, употребляющих конину, и, возможно, людоедах. Наличие на границе башкир, мишарей и калмыков сыграло свою положительную роль. В июле 1792 г. российские войска вошли в Польшу через Волынь и заняли Варшаву. В сентябре калмыки, башкиры, мишари и казаки отправились домой. *Выводы.* Участие ставропольских калмыков в русско-шведской войне и несение пограничной службы в 1790–1792 гг. было вторым успешным походом против европейской армии. Длительный марш башкир и мишарей, оренбургских казаков и ставропольских калмыков, был первым массовым перемещением иррегулярных войск Оренбургского края в воюющую армию. Он был повторен в наполеоновских войнах. В 1790–1792 гг. ставропольские калмыки, сражаясь со шведами и неся пограничную службу, одновременно выполняли важную задачу — демонстрировали Европе единство народов империи под властью императрицы Екатерины II.

Ключевые слова: ставропольские калмыки, оренбургские казаки, башкиры, русско-шведская война 1788–1790 гг., Двинская армия

Для цитирования: Рахимов Р. Н. Ставропольские калмыки в шведском походе и на западной границе России в 1790–1792 гг. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 3. С. 502–511. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-502-511

Stavropol Kalmyks in the Swedish Campaign and on Russia's Western Borders, 1790–1792

Ramil N. Rakhimov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, I. K. Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-5642-6591. E-mail: rakhimovrn[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Rakhimov R. N., 2024

Abstract. Introduction. In 1790–1792, Stavropol Kalmyk Host participated in the Russo-Swedish War and patrolled the Belarusian border. The reasons behind the long deployment remain somewhat debatable. *Materials and methods.* The article focuses on archival documents and published sources. The historical-genetic method proves most instrumental herein, while it is the reconstruction method that yields extended analytical insights into epistolary sources. *Results.* The Russo-Swedish War of 1788–1790 was attended by three Bashkir regiments, crews of Orenburg Cossacks and Stavropol Kalmyks. The irregular units were to reinforce Russian troops since the army was engaged in the Russo-Turkish War. Furthermore, the former's involvement was meant to intimidate the enemy. A supporter the Swedish king, Prussia was actively spreading the myth Russia be a country inhabited by 'barbarians'. The imaginary 'Kalmyk-Tatar' threat was declared in Sweden. Since 1789, two Bashkir regiments had been engaged in combat operations. In 1790, Orenburg Cossacks and Stavropol Kalmyks were summoned to reinforce the troops; together they formed a detachment that took part in repelling a Swedish landing operation. The Bashkirs dispatched 'to horrify' the enemy units proved brave warriors, and either did reinforcing Stavropol Kalmyks and Orenburg Cossacks which was noted by commanding officers. In 1790, armed hostilities with Prussia and Poland were expected. The newly formed Dvina Army that included two Bashkir and one Mishar regiments, crews of Orenburg Cossacks and Stavropol Kalmyks was to defend the Baltics and Belarus. The sight of ethnic cavalry groups on the border gave rise to rumors about Asian peoples — horse meat eaters and potentially even cannibals. The presence of Bashkirs, Mishars and Kalmyks along the borderline did have certain positive impacts. In July 1792, Russian troops invaded Poland via Volhynia and occupied Warsaw. In September, the Kalmyks, Bashkirs, Mishars and Cossacks were dispatched home. *Conclusions.* The participation of Stavropol Kalmyks in the Russo-Swedish War and their border service in 1790–1792 was the second successful campaign against European armies. The long expedition of Bashkirs and Mishars, Orenburg Cossacks and Stavropol Kalmyks was the first mass relocation of irregular troops from Orenburg Krai to join Russian field forces. This experience was repeated in the Napoleonic Wars. In 1790–1792, Stavropol Kalmyks — fighting the Swedes and patrolling the border — were simultaneously performing an important task of demonstrating the unity of Imperial Russia's peoples under Empress Catherine II to Europe.

Keywords: Stavropol Kalmyks, Orenburg Cossacks, Bashkirs, Russo-Swedish War of 1788–1790, Dvina Army

For citation: Rakhimov R. N. Stavropol Kalmyks in the Swedish Campaign and on Russia's Western Borders, 1790–1792. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 502–511. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-502-511



1. Введение

Одной из сложных проблем, стоявших перед российским правительством в XVII –

первой половине XIX в., была охрана границ. Иметь огромную армию для этих целей с экономической точки зрения было невоз-

можно, поэтому в составе вооруженных сил сохранялся компонент иррегулярных войск, состоявший из казаков и национальных частей. Возможность привлечь к службе опытных воинов на собственных лошадях, вооружении и снаряжении для усиления армии соответствовала желанию иметь войско «ценой поменее, числом поболее». Поэтому даже после 60-х гг. XIX в. в российской императорской армии сохранялась архаика в виде казачьих войск.

В XVIII в. государство, создавая регулярную армию европейского образца, пыталось в той или иной степени включить иррегулярный компонент в структуру военного управления. С 1721 г. казаки были подчинены Военной коллегии, с 40-х гг. XVIII в. к постоянной службе на Оренбургской пограничной линии привлечены казаки, башкиры, мещеряки (совр. — мишари), крещеные калмыки, в 1798 г. у всех иррегулярных войск юго-востока России введена кантонная система управления. Государство создавало казачьи войска (Волгское, Оренбургское, Бугское, Екатеринославское), упраздняло их (Запорожское). В ряду таких проектов было создание в конце 30-х гг. XVIII в. на Средней Волге Ставропольского калмыцкого войска из калмыков, пожелавших принять крещение [Джунджузов 2011: 25–39].

Основную его задачу составляла служба на юго-восточной границе империи. Кроме того, Ставропольское калмыцкое войско привлекалось к участию в походах российской армии, например, в 1757 г. во время Семилетней войны, ставропольские калмыки сражались в Пруссии вместе с башкирами, казанскими татарами и мишарями. Следующей войной, в которой приняли участие ставропольские калмыки, стала русско-шведская 1788–1790 гг. Затем, в 1790–1792 гг., они несли пограничную службу в Белоруссии. Причиной, приведшим к их отправке на войну, и последующему оставлению на западных рубежах посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Статья написана на основе источников, выявленных в Российском государственном

архиве древних актов (далее — РГАДА), Российском государственном военно-историческом архиве (далее — РГВИА), Объединенном государственном архиве Оренбургской области (далее — ОГАОО), а также опубликованных в сборниках документов, переписке императрицы Екатерины II с военными и государственными деятелями.

В основу методологии положен историко-генетический подход к прошлому, рассматривающий явление в его зарождении, развитии и исчезновении. При анализе эпистолярных источников применялся метод реконструкции, в ходе которого сопоставлялись упоминания в переписке акторов внешней политики России о народах юго-востока России в контексте обострения отношений со Швецией, Пруссией, Польшей с принятыми впоследствии решениями.

3. Историография

Дореволюционная и советская историография сюжет, связанный с участием ставропольских калмыков в русско-шведской войне 1788–1790 гг., не рассматривала. А. Г. Брикнер писал о башкирских полках, А. Н. Оленин описал искусство владения башкирами луком и стрелами [Брикнер 1869: 175–176; Оленин 1882: 81–83]. В советской историографии лишь Т. И. Беликов коснулся похода калмыков одной строкой [Беликов 1965: 141]. По мнению К. П. Шовунова, также упомянувшего этот поход, ставропольские калмыки в 1790–1793 гг. находились на территории Финляндии в составе Двинской армии целым полком [Шовунов 1990: 11].

Современная российская историография посвятила теме ряд публикаций. Опираясь на выявленные в РГВИА источники, Р. Н. Рахимов описал участие ставропольских калмыков совместно с оренбургскими казаками в войне со шведами в 1790 г., а также пограничную службу в составе Двинской армии в ожидании возможной войны с Пруссией, продолжавшейся до 1792 г. [Рахимов 2001; Рахимов 2006; Рахимов 2014а; Рахимов 2015]. Отдельно им был рассмотрен феномен представлений европейцев (поляков) об азиатских народах России, несших службу на границе в Белоруссии в 1790–1792 гг.,

как о «варварах» [Рахимов 2014б]. О походе 150 ставропольских калмыков во главе с поручиком Оренбургского драгунского полка Осипом Улиным на войну в 1790 г. и несении ими службы в Двинской армии до октября 1792 г. указывается в исследованиях В. А. Кузнецова [Кузнецов 2008: 283], С. В. Джунджузова [Джунджузов 2011: 96], К. Н. Максимова, У. Б. Очирова [Максимов, Очиров 2012: 140]. По мнению А. Н. Басхаева калмыки службу несли «на территории Финляндии в составе Двинской армии» до 1793 г. [Басхаев 2009: 601]. О донских казаках и башкирах как об активных участниках «малой войны» в Финляндии сообщает А. Г. Шкваров, упоминая первый дальний поход оренбургских казаков, но не заметив в одном с ними отряде ставропольских калмыков [Шкваров 2012: 474].

4. Причины направления иррегулярных сил на русско-шведскую войну 1788–1790 гг.

Русско-шведская война 1788–1790 гг., начатая шведским королем Густавом III, имела свои особенности. Она проходила одновременно с русско-турецкой войной 1787–1791 гг. в то время, когда российская армия находилась на юге. Поэтому властям пришлось спешно собирать войска из гарнизонов, привлечь иррегулярные части юго-восточной окраины, формировать воинские подразделения из ямщиков, олонекских стрелков, представлявшие собой милиции. Финляндия с лесистой, труднопроходимой местностью, изобиловавшая озерами и реками, представляла сложный театр военных действий для реализации линейной тактики. Здесь роль играли легкие силы: егеря, казаки. На Балтике развернулась морская война, включавшая в себя высадку десантов. Это требовало создания постов на побережье и наличия подвижного резерва.

Поэтому не случайно, что в ожидании войны со Швецией Совет при Высочайшем дворе на заседании 20 марта 1788 г., обсуждая варианты боевых действий, отметил неудобность Финляндии для действий регулярной кавалерии, предложил усилить донских казаков еще одним полком. Предлагалось также «заимствовать с уральской

стороны человек 500 казаков тамошних, а сверх того для вящего неприятелей устрашения можно прикомандировать человек 500 калмык и 1 000 башкирцев и вызвать еще несколько вольных горских черкес» [Архив 1869: 545–546]. В «Записке графа Безбородко о мерах осторожности со стороны Швеции» также предлагалось пополнить войска донскими казаками, башкирами, калмыками и черкесами — всего до 2 тыс. человек, причем учитывая, что «как обыкновенно калмыки и башкирцы немногие имеют порядочное вооружение», то на Сестрорецких заводах изготовить для них «сабель, сходных с употребляемыми у них, и пик тысячи на три или на четыре, дабы можно было невооруженным роздать» [Архив 1869: 550]. О том, что решение было принято, императрица сообщила Г. А. Потемкину в своем письме от 24 марта: «башкир и калмыков приведем хотя тысячи две» [Екатерина 1997: 277]. Вопросы создания полка из ямщиков императрица обсуждала с Г. А. Потемкиным в мае, из переписки видно, что им был подготовлен соответствующий проект [Екатерина 1997: 289]. То, что под калмыками предполагалось участие именно ставропольских, говорит общее решение о привлечении башкир и калмыков «с уральской стороны».

Почему возникла тема направления башкир и калмыков? Дело в том, что на юго-восточной границе еще в декабре 1787 г. генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничеств барон О. (И.) А. Игельстром с разрешения императрицы начал формирование полка из добровольцев башкир и мишарей как резерв на случай прикрытия границы от набегов степняков [Архив 1886: 364–366]. Такое решение объяснялось нехваткой рекрут для пополнения пограничных частей, поскольку все они направлялись в армию, воевавшую с турками.

Мартовское решение 19 апреля 1788 г. оформилось в повеление — назначить «тысячу надежных башкир» в резерв, готовый к отправке двумя полками [Архив 1886: 367]. Не дожидаясь начала боевых действий, 17 июня был дан приказ отправить полки в Санкт-Петербург, а 19 июня последовал указ о формировании еще одного башкирского

полка [Архив 1886: 368–369]. Организация полков, снабжение провиантом и фуражом должны были соответствовать штатам и нормам, относящимся к донским казакам.

Таким образом, императрица и ее окружение, учитывая сложный ландшафт будущего театра военных действий, считали возможным увеличить число казаков за счет дополнительного полка донских и полков казаков оренбургских или уральских. Башкиры и калмыки должны были в большей степени служить устрашением неприятеля, как и горцы Кавказа. В случае довооружения легкими саблями и пиками — наносить урон противнику.

Тезис об «устрашении» возник не случайно. Угрозу нападения азиатских народов России, готовясь к войне, активно использовала противоположная сторона. Екатерина II в своем письме Г. А. Потемкину от 4 июня 1788 г. сообщает, что шведский король заявлял, что «вооружается, имея опасения, что мы готовимся на него напасть, и будто для того привели к его границам калмык и татар, что сущая ложь» [Екатерина 1997: 291]. Пруссия, выступавшая на стороне шведского короля, всячески распространяла представления о России как стране, населенной «варварами». Опираясь на память о башкирах и калмыках в составе российской армии в Семилетней войне, Пруссия использовала складывавшуюся внешнеполитическую ситуацию в свою сторону. Пруссак поддерживал и саксонский представитель в Петербурге Г. Гельбиг, публиковавший в ходе войны в газетах рассказы о башкирах, что «их выступление в Финляндию стало причиной многих ужасов и большого ущерба», они ели «сырое лошадиное мясо» [Брикнер 1869: 175–176].

5. Иррегулярные войска юго-востока России в боевых действиях 1789–1790 гг.

21 июня 1788 г. шведская армия перешла границу и осадила крепость Нейшлот. Начались боевые действия на суше и на море. Относительно направленных на войну башкир расчеты показали, что раньше сентября они не придут. Поэтому в их ожидании было приказано «вербовать казаков, сколько оных набрать можно будет из мещан, ямщиков и

вольных людей» [Гарновский 1876: 11]. К армии был направлен полк донских казаков. Оренбургские и уральские казаки остались на линии, охраняя юго-восточную границу.

Башкирские полки пришли осенью в сопровождении офицеров Оренбургского драгунского полка, квартировавшего в Оренбурге. На 16 октября в армии в Финляндии было 1 100 донских казаков и 1 500 башкир [Архив 1869: 621]. 2-й Башкирский полк направили патрулировать побережье, а 1 и 3-й полки и казаков отправили зимовать в Ориенинбаумский уезд [РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 290. Л. 6]. Впервые в своей истории формирования башкир были организованы не в ордынской (десятичной) традиции, а в европейской (номерные полки по 582 человека) [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 3. Л. 270]. Еще одним новшеством было включение в их штат должности муллы. Летом 1789 г. два башкирских полка приняли активное участие в боевых действиях под командованием генерала-поручика И. И. Михельсона [Рахимов 2001: 114–117; Рахимов 2006: 442–444; Рахимов 2014а: 163–180; Рахимов 2015: 95–101]. Общее руководство войсками осуществлял генерал-аншеф В. П. Мусин-Пушкин.

В 1790 г. русские войска возглавил генерал-адъютант граф И. П. Салтыков. Одним из отрядов командовал генерал-поручик барон О. (И.) А. Игельстром, сохранявший должность наместника Уфимского и Симбирского. Для усиления своих войск 12 февраля он направил в армию команды оренбургских казаков и ставропольских калмыков. Казаков возглавлял капитан Оренбургского драгунского полка Степан Мертваго, калмыками командовал поручик этого же полка Осип Улин. Калмыки выступали в поход «каждый о двух лошадях, с порядочною одеждою, исправным оружием, какое им положено иметь» [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 117. Л. 248об.].

В литературе численность команд сообщалась по 150 человек. Однако необходимо учитывать, что это только рядовые. Вместе с командирами оренбургских казаков насчитывалось 165 человек. У калмыков в команде были: ротмистр, хорунжий, два есаула, писарь, шесть капралов. Все-

го — 161 человек [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 117. Л. 248]. Больше команды Ставропольское калмыцкое войско направить не могло. В 1790–1792 гг. на летнюю службу на Оренбургскую пограничную линию оно командировало 500 воинов [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 1. Л. 83; РГАДА. Ф. 16. Ч. 3. Л. 21об.].

Отряд принял участие в боевых действиях, отбив попытку высадки шведами трехтысячного десанта на острове Бьёркё. Это позволяло бы им действовать в обход Выборга и угрожать Петербургу. Бои со шведами в российских документах названы как «при Кирк-Биорке». Столкновения шли с 26 мая по 22 июня. В них отличились калмыки: войсковой судья Федор Барышевский (был произведен в капитаны), войсковой квартирмейстер Михаил Анчуков и хорунжий Яков Дербетев (в подпоручики), войсковые ротмистры Семен Торгоуцкий и Дмитрий Дамбаев (в прапорщики) [Максимов, Очиров 2012: 140]. Затем отряд вошел в состав войск, которыми командовал генерал-поручик барон В. В. Шульц [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 179. Л. 3–3об.].

«Послужные списки старшин Ставропольского калмыцкого войска за 1799 г.» позволяют внести некоторые уточнения в биографии калмыков. Семен Лавров сын Торгоуцкий 1761 г. р., в службу вступил хорунжим в 1777 г. В 1787 г. — ротмистр, 1791 г. — прапорщик [ОГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 393/3. Л. 2об.]. В команде был войсковой полковник, армии подпоручик Гаврила Козьмин сын Багленов, 1754 г. р. В службу вступил писарем в 1772 г., хорунжий в 1776 г., прапорщик — 13 февраля 1790 г., подпоручиком, войсковым хорунжим — 23 июля 1791 г., надзирателем — 1795 г., судьей — 1797 г., полковником — 1798 г. [ОГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 393/3. Л. 23]. На Оренбургской линии нес службу в 1781, 1784, 1785, 1787, 1789 гг. С 1790 г. по 1793 г. находился в Финляндской и Двинской армиях, а в 1794 г. на Оренбургской линии. Получается с начала похода он был произведен в прапорщики, а в 1791 г. по итогам шведской кампании и службы на границе — в подпоручики. Здесь же указан войсковой хорунжий Алексей Константинов сын Черевасов, 1767 г. р., начавший

службу есаулом в 1787 г., хорунжим — в 1789 г., ротмистром — в 1795 г., ставший войсковым хорунжим в 1796 г. [ОГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 393/3. Л. 24об.]. Указано, что в 1790–1793 гг. он находился в Финляндской и Двинской армиях, а в 1796 г. и 1797 г. на Оренбургской пограничной линии.

Экзотичность башкир, казаков, калмыков привела к тому, что часть их составила конвой высокопоставленных чиновников и генералов. Так, после подписания мирного трактата в Вереле 3 августа 1790 г., через три дня прошел торжественный обмен ратификациями, при котором присутствовал шведский король. Участники события указывали, что российский уполномоченный имел в качестве охраны «калмыков, башкирцев, казаков, гусар и пехоту», с которой он познакомил шведского коллегу [Из исторических 1893: 229]. Шведский король после подписания мирного договора пожелал ознакомиться с искусством стрельбы из лука башкирами, что и было ему показано [Оленин 1882: 81–83].

Новым в военной практике как для ставропольских калмыков, так и для представителей иррегулярных войск было награждение серебряной восьмиугольной на Владимирской ленте медалью. Это был первый случай получения награды всеми участниками военных действий.

Таким образом, направленные «для устрашения» башкиры показали себя умелыми воинами, действовавшими совместно с егерями, казаками и самостоятельно. Ставропольские калмыки и оренбургские казаки, направляемые не «для устрашения», а для пополнения армии, отражая десант, также хорошо сражались.

6. Иррегулярные войска в Двинской армии. 1790–1792 гг.

Окончание войны со Швецией не снимало новых угроз. В 1790 г. возникла опасность военных действий с Пруссией и Польшей, находившихся в договорных отношениях. Для защиты Прибалтики и Белоруссии создавалась Двинская армия под командой графа И. П. Салтыкова.

Рескриптом Екатерины II от 15 января 1790 г. из Оренбургского корпуса в Бе-

лоруссию, на линию между Полоцком и Могилевом, направили 4-й Башкирский и 1-й Мещеряцкий полки [РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 289. Л. 11]. 18 апреля по указанию императрицы в Уфе из сословия тептярей и бобылей начал формироваться пятисотенный конный полк для отправки в Полоцкую губернию [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 1. Л. 105]. Его организацией занимались направленные по указанию Г. А. Потемкина донские казаки и правитель Уфимского наместничества генерал-майор А. А. Пеутлинг.

Совет при Высочайшем дворе на заседании 11 апреля 1790 г., обсуждая вопрос о разрыве отношений с Пруссией и Польшей, решил войска расположить, начиная от Риги вдоль курляндской и польской границ [Архив 1869: 775–776]. Для их усиления планировалось направить из Кавказской армии два полка донских казаков. Частное письмо к князю А. А. Безбородко от 30 апреля сообщает предполагаемый состав Двинской армии: «7 пехотных полков, 4 карабинерных, один драгунский, два легкоконных, 23 тыс. казаков, 1 500 разных оренбургских войск, да 6 000 казаков, формируемых в Малороссии» [Письма 1879а: 183]. В «разные оренбургские войска» включались два башкирских и мишарский полки, возможно, команды оренбургских казаков и ставропольских калмыков.

2 июля в Могилевскую губернию прибыли 1-й Мещеряцкий и 4-й Башкирский полки [Архив 1869: 89]. Расквартированные в Мстиславле и Климовичах, они поступили в команду генерала-поручика П. А. Шепелева.

После подписания Верельского мира 20 августа секретным рескриптом Екатерины II графу И. П. Салтыкову предписывалось выбрать из трех башкирских полков в Финляндии один из «лучших, надежнейших и доброконных людей» и направить к войскам, расположенным между Нарвой, Псковом и Ригой [РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 289. Л. 80б.]. В итоге 1-й Башкирский полк, команды ставропольских калмыков и оренбургских казаков были переведены на прусскую границу в состав Двинской армии.

«Расписание войск от 29 августа 1790 г.» показывает в составе «армии по Двине расположенной» четыре башкирских полка [Бумаги 1895: 150]. Вероятно, составитель его считал под ними все три находившихся в Финляндии и прибывший к границе 4-й Башкирский полки. И. П. Салтыков в это время отправлял 1-й Башкирский полк к границе, а два остальных домой. 9 сентября войска, расположенные в Лифляндии и частично в Полоцкой губернии, поступили под начальство барона О. (И.) А. Игельстрома.

Появление национальной конницы на границе вновь вернуло слухи о страшных азиатских народах, идущих из-за Волги. В августе в отношении башкир и мишарей распространялся слух «будто бы они лошадиное сырое мясо едят и кровью запивают» [Письма 1879б: 463]. В отношении ставропольских калмыков осенью ходил слух о якобы «разграблении замков герцога Курляндского» [Архив 1869: 819].

Современник отмечал, что поляки больше «страшатся татарского имени, нежели регулярных войск, особливо видя наших башкир и мещеряков, что они едят лошадей» [Письма 1879б: 464]. В январе 1791 г. под Могилевом произошел курьезный случай. Поляки, будучи свидетелями, как мишари купили лошадь, зарезали ее, сварили мясо и ели его, удивлялись этому. На что один из воинов, «как видно, большой шпын» (т. е. резкий, дерзкий остряк, балагур. — Р. Р.) [Письма 1879б: 465] заявил, что когда они пойдут в поход, будут есть уже не лошадей, но «жирных мальчиков еще с гораздо лучшим аппетитом, а по нужде и взрослых, чему многие из поляков и вправду поверили и в Польшу своим землякам писали и, как слышно, такой страх там напустили, что многие за глупостью своей и заподлинно Татар людоедами почитают» [Письма 1879б: 464–465]. Испуганные поляки начали прятать детей, а слух о людоедах прокатился по всей стране [Рахимов 2014б: 200–201].

В мае 1791 г. из окрестностей Могилева башкиры и мишари были перемещены к Полоцкой губернии и к Риге [Письма 1879б: 466]. Рапорт И. П. Салтыкова от 2

июня 1792 г. показывает, что для «закрытия границы» из 1-го Башкирского полка «обвещательные посты» учреждены от Риги до Крейцбурга, из 4-го Башкирского и 1-го Мещеряжского полков «обвещательные стражи» по границе от Крейцбурга до Динабурга. Вместе с ними находились эскадроны Рижского карабинерного и два батальона Лейб-гренадерского полков. Оренбургская команда и ставропольские калмыки содержали «стражу» по границе от Динабурга до границы Дризенского уезда, за ними стояли посты Ямского казачьего полка (набранного из ямщиков). Войска находились в подчинении генерала-поручика П. А. Шепелева. В случае вступления польских войск они должны были быть готовыми занять главные пограничные переходы [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 167. Л. 28–29об.].

18 июля 1792 г. российские войска под командой генерал-аншефа М. В. Каховского вошли в Польшу через Волынь и после ряда столкновений заняли Варшаву. На этом задача по охране западной границы от возможного нападения Польши и Пруссии была завершена. В 1793 г. было объявлено о втором разделе Польши.

В августе 1792 г., после нормализации внешнеполитической ситуации, последовало указание отправить национальную конницу домой. В октябре И. П. Салтыков сообщил Военной коллегии, что оренбургские казаки выступили 7 сентября, калмыки — 9 сентября по маршруту: Невель, Велиж, Смоленск, Вязьма, Москва, Владимир, Арзамас. 1-й Мещеряжский и 4-й Башкирский — 20 сентября, а 1-й Башкирский — 19 сентября по маршруту: Полоцк, Орша, Мстиславль, Калуга, Серпухов, Рязань, Симбирск, Уфа [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 167. Л. 42–42об.]. В войско команда ставропольских калмыков прибыла 19 декабря 1792 г. В рапорте указана ее численность в 65 человек старшин и рядовых [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 217. Л. 68]. В таком случае получается, что команда потеряла

96 человек убитыми, умершими и ранеными (оставленными в госпиталях). Окончательный вывод относительно потерь предстоит еще сделать, но башкирские полки 1 и 3-й тоже потеряли более 100 человек каждый. На 13 апреля 1793 г. в Ставропольском калмыцком войске состояло: войсковой старшина, 5 войсковых есаулов, войсковой писарь, 33 войсковых сотника, войсковой хорунжий, 2 писаря, рядовых 965, учеников, лекарей 45, всего — 1 053 человека служащих [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 217. Л. 71].

7. Заключение

Участие ставропольских калмыков в русско-шведской войне 1788–1790 гг. и несение пограничной службы в Двинской армии в 1790–1792 гг. было второй после Прусского похода 1757 г. военной кампанией, когда они встретились на поле боя с современной европейской армией. Опыт оказался удачным — иррегулярные войска добились победы. Сам поход, с учетом четырех башкирских и мишарского полков, команд из 165 оренбургских казаков и 161 ставропольских калмыков, был первым, представлявшим собой практически все иррегулярные войска Оренбургского края в воюющей армии. Этот опыт окажется востребованным и будет повторен во время Прусского похода в 1806–1807 гг. и Отечественной войны 1812 г.

В 1790–1792 гг. ставропольские калмыки отважно сражались со шведами, а затем, находясь на границе с Польшей, были в готовности отразить возможное нападение польских и прусских войск. Кроме содержания «обвещательных постов» и прикрытия границы, калмыки в Белоруссии выполняли важную задачу — демонстрировали единство народов империи под властью императрицы Екатерины II. Они служили прямым примером «азиатской угрозы», вначале выдуманной шведами, а теперь пришедшей к «горячим головам» в Пруссии и Польше по воле русской царицы.

Источники

ОГАОО — Объединенный государственный архив Оренбургской области.
РГАДА — Российский государственный архив

древних актов.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Sources

Consolidated State Archive of Orenburg Oblast.

Литература

- Архив 1869 — Архив Государственного Совета / под ред. Н. В. Калачова, И. А. Чистовича, Г. Ф. Штендмана и др. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1869. Т. 1: Совет в царствование Императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). XVI+1036+XL+LXX с.
- Архив 1886 — Архив графа Игельстрема с предисловием Д. А. Толстого. Указы Екатерины Великой // Русский архив. 1886. № 11. С. 341–371.
- Басхаев 2009 — *Басхаев А. Н.* Военная служба калмыков в последней трети XVIII–XIX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. / отв. ред. К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова. Т. 1. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 597–624.
- Беликов 1965 — *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста: Калмгосиздат, 1965. 179 с.
- Брикнер 1869 — *Брикнер А. Г.* Война России с Швецией в 1788–1790 годах. СПб.: Печатня В. Головина, 1869. 305 с.
- Бумаги 1895 — Бумаги князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического / под ред. Н. Ф. Дубровина. Т. 3: 1790–1793 гг. СПб.: Воен. тип., 1895. 375 с.
- Гарновский 1876 — *Гарновский М.* Записки Михаила Гарновского: Двор императрицы Екатерины II в 1789–1790 гг. // Русская старина. 1876. № 5. С. 1–32.
- Джунджузов 2011 — *Джунджузов С. В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург: ГБУ РЦРО, 2011. 209 с.
- Екатерина 1997 — Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 / изд. подг. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997. 989 с.
- Из исторических 1893 — Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема / сообщ. Г. О. Сюннерберг и Н. С. Иванин // Русская старина. 1893. № 8. С. 209–267.
- Кузнецов 2008 — *Кузнецов В. А.* Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск: Челябинский ЦНТИ, 2008. 478 с.
- Максимов, Очиров 2012 — *Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских во-

Russian State Archive of Ancient Acts.

Russian State Archive of Military History.

- йнах. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 519 с.
- Оленин 1882 — *Оленин А. Н.* Археологические труды. Т. II. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882. 205 с.
- Письма 1879а — Письма князя А. А. Безбородки // Архив князя Воронцова / сост. П. И. Барте-нев. М.: Тип. Лебедева, 1879. Кн. XIII: Бумаги графов Александра и Семёна Романовичей Воронцовых. 507 с.
- Письма 1879б — Письма П. А. Левашова к графу А. Р. Воронцову. 1786–1791 // Архив князя Воронцова / сост. П. И. Барте-нев. М.: Тип. Лебедева, 1879. Кн. XIV: Бумаги графов Александра и Семёна Романовичей Воронцовых. 528 с.
- Рахимов 2001 — *Рахимов Р. Н.* Документы об участии башкирских полков в шведской и польской войнах в 1790–1792 гг. // Уникальные источники по истории Башкортостана: матлы I межрегион. науч.-практ. конф. Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2001. С. 112–118.
- Рахимов 2006 — *Рахимов Р. Н.* Военная история российской провинции конца XVIII века: полезное знание или анекдот? // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сб. ст. / ред. Н. Н. Алеврас. Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 440–449.
- Рахимов 2014а — *Рахимов Р. Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.
- Рахимов 2014б — *Рахимов Р. Н.* Западные мифы о народах России: от «диких башкир» к «полуазиатским ордам» // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 6 (27). С. 190–206.
- Рахимов 2015 — *Рахимов Р. Н.* Защитники азиатской границы в походах российской армии конца XVIII в. // «Российской армии Победоносца»: труды междунар. конференции. К 285-летию со дня рождения А. В. Суворова. К 110-летию Суворовского музея. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 93–103.
- Шкваров 2012 — *Шкваров А. Г.* Россия – Швеция. История военных конфликтов. 1142–1809 годы. СПб.: RME Group Oy: Алетейя, 2012. 576 с.
- Шовунов 1990 — *Шовунов К. П.* Во славу Отечества. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 61 с.

References

- Baskhaev A. N. Military service of Kalmyks, 1770s–1790s. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. Pp. 597–624. (In Russ.)
- Belikov T. I. Kalmyks in Russia's Independence Struggle. Elista: Kalmgosizdat, 1965. 179 p. (In Russ.)
- Bezborodko A. A. Letters by Prince A. A. Bezborod-

- ko. In: Vorontsov M. S. Archives of Prince Vorontsov. P. Bartenev (comp.). Moscow: Lebedev, 1879. Vol. 13: Papers of Counts Alexander R. and Semen R. Vorontsov. 507 p. (In Russ.)
- Brikner A. G. Russo-Swedish War of 1788–1790. St. Petersburg: V. Golovin, 1869. 305 p. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Kalmyks in the Middle Volga and Southern Urals, 1730s–1920s. Orenburg: Education Monitoring Center, 2011. 209 p. (In Russ.)
- Ehrenström J. A. From historical notes by Johan Albrecht Ehrenström. G. Synnerberg, N. Ivanin (comps.). *Russkaya starina*. 1893. No. 8. Pp. 209–267. (In Russ.)
- Garnovsky M. Notes by Mikhail Garnovsky: Catherine II and her court in 1789–1790. *Russkaya starina*. 1876. No. 5. Pp. 1–32. (In Russ.)
- Igelström O. H. Archives of Graf Igelström. D. Tolstoy (foreword). Proclamations of Catherine the Great. *Russkiy arkhiv*. 1886. No. 11. Pp. 341–371. (In Russ.)
- Kalachov N. V., Chistovich I. A. et al. Archives of the State Council. St. Petersburg: H. I. M. Own Chancellery, 1869. Vol. 1: The [State] Council under Empress Catherine II, 1768–1796. XVI+1036+XL+LXX p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. Irregular Troops of Orenburg Krai. Samara, Chelyabinsk: Science and Technology Information Center, 2008. 478 p. (In Russ.)
- Levashov P. A. Letters to Count A. R. Vorontsov, 1786–1791. In: Vorontsov M. S. Archives of Prince Vorontsov. P. Bartenev (comp.). Moscow: Lebedev, 1879. Vol. 14: Papers of Counts Alexander R. and Semen R. Vorontsov. 528 p. (In Russ.)
- Lopatin V. S. (comp.) Catherine II and G. A. Potemkin: Private Correspondence, 1769–1791. Moscow: Nauka, 1997. 989 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirov U. B. Kalmyks in the Napoleonic Wars. Elista: Dzhangar, 2012. 519 p. (In Russ.)
- Olenin A. N. Archeological Writings. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1882. 205 p. (In Russ.)
- Potemkin-Tauricheski G. A. Archives of Prince Grigory A. Potemkin-Tauricheski. N. Dubrovin (ed.). St. Petersburg: Voennaya Tipografiya, 1895. Vol. 3: 1790–1793. 375 p. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. Defenders of Russia's Asiatic frontier in late eighteenth-century campaigns. In: The Victory-Maker of Russia's Army. Jubilee conference proceedings (St. Petersburg, 24–25 November 2014). St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2015. Pp. 93–103. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. Documents on the participation of Bashkir regiments in Russia's Swedish and Polish campaigns of 1790–1792. In: Bukanova R. G. (ed.) Unique Sources in the History of Bashkortostan. Conference proceedings (Ufa, 19 December 2000). Ufa: Bashkortostan Science Committee, 2001. Pp. 112–118. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. In The White Tsar's Service: Military Service of Non-Russians from Southeast Russia, Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries. Moscow: RISI, 2014. 544 p. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. Military history of late nineteenth-century Russia's periphery: Useful knowledge or anecdotes? In: Alevras N. N. (ed.) Historian in the Changing Environment of Russian Culture. Collected papers. Chelyabinsk: Kamennyi Poyas, 2006. Pp. 440–449. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. Western myths about Russia: From “wild Bashkirs” to “semi-Asiatic hordes”. *National Strategy Issues*. 2014. No. 6(27). Pp. 190–206. (In Russ.)
- Shkvarov A. Russia – Sweden, 1142–1809: A History of Military Conflicts. St. Petersburg: RME Group Oy, Aletheia, 2012. 576 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. For the Glory of Motherland. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 1990. 61 p. (In Russ.)

